

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ И.А. НОВИКОВА «ЗОЛОТЫЕ КРЕСТЫ»

А.М. Насуева

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия;
katz.aerozeppelin@gmail.com*

Аннотация: В статье исследуется связь творчества И.А. Новикова с религиозными исканиями Серебряного века (на примере его символистского или неореалистического романа «Золотые кресты»). Методологическая основа работы — сопоставительный анализ художественного текста и тех философских идей, которые могли оказать на автора влияние. Ориентация на символистскую образность (герои представляют собою «ожившие» идеи) позволила писателю передать противоречивость и разнородность философских умонастроений, которыми жила эпоха русского религиозного ренессанса. В романе явно прослеживаются следы влияния концепции любви В.С. Соловьева на трактовку любовного сюжета. Каждая из любовных линий имеет собственную логику развития и своеобразно «иллюстрирует» идеи соловьевской статьи «Смысл любви», а также восходит к отвлеченным образам Логоса и Софии. Кроме того, проблема Эроса сопрягается с проблемой теодицеи и, как результат, возникает множественность трактовок Бога. Все это отвечает темам богоискательства Серебряного века, но самоубийство главных героев в финале романа указывает на неразрешенность поднятых автором проблем. Насыщенность романа философским содержанием позволяет понять, насколько разнообразными были пути к достижению гуманной цели — обновлению мира через новое религиозное сознание, переход на совершенно новый духовный уровень бытия.

Ключевые слова: символистский роман; русское религиозное возрождение; И.А. Новиков; В.С. Соловьев; Эрос; София; Логос; неохристианство

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-16

Для цитирования: Насуева А.М. Религиозные мотивы в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 202–213.

RELIGIOUS MOTIFS IN I.A. NOVIKOV'S NOVEL *THE GOLD CROSSES*

Aida Nasueva

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; katz.aerozeppelin@gmail.com

Abstract: The article explores the connection of I.A. Novikov's work with the religious quest of the Silver Age (using the example of his symbolist or neorealist novel *The Gold Crosses*). The methodological basis of the work is a comparative analysis of the literary text and those philosophical constructions that could influence the author. Orientation towards symbolist imagery (the characters represent "revived" ideas) allowed the writer to convey the inconsistency and heterogeneity of philosophical concepts that fueled the era of the Russian religious Renaissance. The novel clearly traces the influence of V.S. Solovyov's concept of love on the interpretation of the love storyline. Each of the love lines has its own logic of development and in a peculiar way "illustrates" the ideas of Solovyov's article "The Meaning of Love", and also goes back to the abstract images of Logos and Sophia. In addition, the problem of Eros is coupled with the problem of theodicy and, as a result, a multiplicity of interpretations of God arises. All this corresponds to the themes of the God-seeking of the Silver Age, but the suicide of the main characters in the finale of the novel indicates the impossibility of solving the problems raised by the author. The rich philosophical content of the novel makes it possible to understand how diverse were the ways to achieve a humane goal — the renewal of the world through a new religious consciousness, the transition to a completely new spiritual level of being.

Keywords: symbolist novel; the Russian religious revival; I.A. Novikov; V.S. Solovyov; Eros; Sofia; Logos; neo-Christianity

For citation: Nasueva A.M. (2024) Religious Motifs in I. A. Novikov's Novel *The Gold Crosses*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 202–213.

Иван Новиков относится к числу авторов, произведения которых достаточно наглядно отражают историко-культурную ситуацию определенной эпохи. Тем не менее пока нет детальных работ, всецело посвященных его творчеству в контексте духовных исканий Серебряного века и связям с идейными представителями того времени.

Новиков в целом не так давно стал обращать на себя внимание исследователей, которые единогласно сходятся на том, что писатель незаслуженно обойден вниманием как современной науки, так и дореволюционной критики: «И.А. Новиков — писатель, чье обширное творческое наследие <...> практически не известно современному читателю. Все затмила его дилогия "Пушкин в изгнании", издавав-

шаяся несметное количество раз. Возможно, он и сам был этому рад, т. к. отзывы критики советского времени не сулили ничего хорошего» [Михайлова]. Почти то же самое мы читаем в другой статье: «Имя Ивана Алексеевича Новикова немного говорит современному читателю. Такова судьба целого ряда деятелей искусства и науки, лишенных советским государством своей аудитории, а часто и жизни. Иван Алексеевич остался в памяти советских людей диалогией о Пушкине. Но это лишь незначительная и не самая интересная часть того, что он создал как художник, особенно — прозаик, автор романов, рассказов и повестей» [Спивак, Кропотина 2010: 129]. И дело не в том, что Новиков вдруг перестал интересовать читателя, он в принципе «не принадлежал к числу писателей, пользовавшихся постоянным вниманием критики. Он как раз из тех, кого критика и читатели “проглядели”, как они в свое время “проглядели” Тютчева, Баратынского, Чехова, почти не заметили Бунина» [Михайлова 2003].

Подчеркивается также взаимосвязь Новикова как с литературной традицией, так и модернистскими веяниями рубежа веков. Указывалась учеными, например, его близость к толстовской линии: рассуждая о нравственных исканиях Новикова в традициях русского романа, Р.С. Спивак утверждает, что «И. Новикову гораздо ближе Л. Толстой, с его склонностью к проповеди и нравственному суду над объектом изображения» [Спивак, Кропотина 2010: 131]. М.В. Михайлова отмечала, что «творчество Новикова причисляли к тургеневско-зайцевской линии русской литературы». Если говорить о связи с современниками, то очевидны символистские тенденции новиковского творчества как с идейной, так и формальной стороны. К.С. Калинина пишет о «Золотых крестах» как о романе, пронизанном «модернистскими чертами, характеризующими творческие искания писателя, чутко реагирующего на новые тенденции в искусстве Серебряного века. Роман насыщен религиозно-идеалистическими размышлениями и фаталистическими умонастроениями» [Калинина 2016: 92]. Природу этих «умонастроений» уточняет Р.С. Спивак: «Нравственно-философская программа И.А. Новикова аккумулирует соловьевскую идею единства мира, вечной женственности как Души мира и интерес Мережковского к античности в целях превращения исторического христианства в религию живой жизни, а также общую для символизма мысль о восхождении человечества к Богочеловечеству мистическим путем эроса, покаяния и скупления» [Спивак 2012].

М.В. Михайлова, анализируя реакцию З. Гиппиус на роман «Между двух зорь», делает немаловажную ремарку, позволяющую

нам оценить степень вхождения Новикова в идейный «авангард» того времени: «Собственно, в этих словах и кроется весь пафос статьи Гиппиус, которой очень хотелось “переманить” Новикова в свою и Мережковского веру — “религиозную общественность”. Конечно, Гиппиус не случайно обратила свой взор на Новикова. Она почувствовала, что писатель осваивает тот же плацдарм, что и Мережковский, его тоже занимает проблема поиска “третьего пути”. Возможно, что она увидела, что в чем-то он становится соперником ее мужа. И поэтому постаралась убедить читателя, что он еще не созрел до полноценного понимания всей сложности затрагиваемой проблематики» [Михайлова].

Этот краткий обзор демонстрирует, что источник религиозно-духовных исканий Новикова уже достаточно точно определен. Однако ощущается нехватка подробного сопоставительного анализа его произведений с отдельными философскими идеями, которые могли повлиять на художественный мир писателя. Роман Новикова «Золотые кресты», будучи подлинно символистским, представляет собой идеальную почву для поиска такого рода сравнений и пересечений.

Роман этот можно назвать наглядным творческим воплощением русского духовного ренессанса, множественность ответвлений религиозной мысли которого, а главное — очевидное их противоречие традиционным христианским идеям и друг другу невольно ставили в тупик даже людей того времени, на чьих глазах это религиозное возрождение со всеми его флуктуациями и происходило. Примеров таких замешательств — порой с трагическим исходом — история знает достаточно. Чтобы в полной мере погрузиться в атмосферу религиозного «напряжения» рубежа веков, необходима некая краткая энциклопедия русского нового религиозного сознания, своего рода иллюстрированный путеводитель.

Таким путеводителем часто становился символистский роман, который через мифопоэтизацию пытается вести, используя слова Н.В. Барковской, «поиск тотальности (целостности и осмысленности мира) силами индивидуального я» [Барковская 1996: 10]. В этом отношении «Золотые кресты» (1908) И.А. Новикова можно считать одним из самых ярких образцов жанровой модификации. Рассмотрим религиозные мотивы в нем легче всего через метафоризацию главных героев, которые, в общем-то, суть персонифицированные религиозные концепты Серебряного века.

К.С. Калинина, автор диссертации о романном творчестве Новикова, в своем исследовании приводит мнение киевского критика А. Закржевского о романе (как о части планирующейся трилогии):

«То, что сделал Золя в области экспериментального романа, то вы делаете в своей трилогии, только вашим предметом является патология духа современных людей, сходство с Золя еще и в том, что и Ваше творчество основано на опыте. <...> А пока — Ваш роман — свежая, сырая картина нашего “неохристианства” и — очень верная, даже до мелочей» [Калинина 2020: 6]. Мы видим, как герои романа, взаимодействуя между собой, отражают взаимоотношения и взаимоотношения внутри религиозно-философской мысли в России того времени, которая боролась не только с внешним врагом — исторической церковью, но и со своими собственными разночтениями.

Во-первых, и на это стоит обратить наибольшее внимание, очевидно влияние идей В.С. Соловьева на автора. Чувство главных героев романа, Глеба и Анны, по сути, вполне отвечает той новой философии любви, которую разработал Соловьев и которая в своей основе, конечно, имеет неоплатонические корни. В работе «Смысл любви» Соловьев писал: «Задача любви состоит в том, чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве; требуется такое сочетание двух данных ограниченных существ, которое создало бы из них одну абсолютную идеальную личность. <...> В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет — он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность (и уже на этой основе развиваются все прочие различия). Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, — это и есть собственная ближайшая задача любви». [Соловьев 1988: 513]. Если углубиться в суть такой любви, то можно увидеть, что отношения мужчины и женщины есть метафоризация отношений Христа и Церкви, Божественного Логоса и Вечной Женственности. Сам Глеб, несмотря на все его с христианским учением внутренние расхождения, осознаваемые им самим, недвусмысленно сопоставляется в романе с Христом. Анна же — очевидная персонификация Вечной Женственности. Причем стоит отметить, что само это понятие претерпевало изменения в ходе развития Соловьевым своей философской концепции, о чем будет подробнее сказано ниже. Пока лишь отметим, что стоит проводить определенную линию различия между Софией и Душой мира: на первых этапах для Соловьева такое разделение было незначительным, и впоследствии он все равно не отказался от

проведения параллелей между ними, но в работе «Россия и вселенская церковь», например, читаем следующее: «В своем качестве чистой и неопределенной мощи, душа мира имеет двойной и изменчивый характер <...>: она может пожелать существования для себя вне Бога, она может стать на ложную точку зрения хаотического и анархического существования, но она может также низвергнуть себя перед Богом, свободно привязаться к Божественному Слову, привести все создание к совершенному единству и отождествиться с вечной Премудростью» [Соловьев, 1911].

Перенесем эту мысль в сферу художественных образов текста Новикова. Анна лишена потенциального демонического в своем облике, той двойственности Софии, которая тонко чувствовалась, например, А.А. Блоком (ср., например, «Но страшно мне — изменишь облик Ты»). Анна представляет собой мифологизированный образ ангела-хранителя мира, что неоднократно отмечается в речи остальных персонажей романа. Например, Наташа, увидев Анну, спрашивает: «Откуда вы взялись такая? Вы ангел? Вы с неба?» [Новиков 2004: 202]. Интересен ответ Анны: «Я отхожу, я отлетаю от жизни, хотя *девушка Анна* (курсив мой. — А.Н.) еще не знает того. На землю я уже не сойду, на земле расцветает новая молодость, что пройдет мимо меня, но когда она возмужает, когда создаст свою жизнь, завершив свой круг, как его завершила я, мы встретимся снова, но не на новой земле, не на второй грядущей земле, а в третьем царстве завершивших свой круг. Но об этом больше ни звука молчания, даже молчания, ибо эту тайну не надо вскрывать. В день Рождества Богородицы прими, Юная, мой поцелуй» [Новиков 2004: 202–203]. В этой сцене мы будто бы наблюдаем высвечивание Софии в Анне, то есть буквально ее явление миру вплоть до замены Анны-девушки Анной-Софией («...хотя девушка Анна еще не знает того»). Тут уже видна предопределенность судьбы Анны и Глеба: уход Логоса и Софии из земного мира. Целуя Наташу, которая уже зовется Невестой, Анна будто благословляет новых, земных Жениха и Невесту. Однако и этот брак окажется разрушен внешними силами и долгожданного соединения двух в единого всечеловека в романе так и не осуществится, по крайней мере, на земном уровне.

Если все же говорить об оборотной стороне, темном лике Вечной Женственности — мировой душе, то она в романе Новикова тоже присутствует. Это Глаша, чей характер обладает двойственной природой. Она является носителем антиномичных чувств — любви-ненависти, объектом которых становится нареченный новый жених — Кривцов. На противоречивость образа Софии указывали многие исследователи, например П.П. Гайденко и А.Ф. Лосев. При-

ведем цитату из труда первой: «Именно в качестве богоподобного существа София может сама избрать направление своего стремления: она может сохранить свое единство с высшим, божественным началом, а может и отпасть от него, утвердив себя вне Бога и вместо Бога. Когда она определяется божественным Логосом, она несет в себе божественное начало и единит все сущее. Но она имеет и свою собственную волю; и когда она решает обладать всем не от Бога, а от самой себя, она отделяется и утверждает вне божественного начала, отпадает от него. Как отпавшая от Бога, София приобретает демонические черты» [Гайденко, 2001: 58]. У Лосева, достаточно откровенно критикующего Соловьева, читаем следующее: «...здесь мы находим теорию отпадения Души от Ума, которому она подчинена, но которому она теперь не хочет подчиняться, а вместо этого подчиняется окружающей негативной области. <...> Далее Душа, ставшая теперь Душой мира, квалифицируется как Сатана» [Лосев 1990: 216–217]. Персонификацией такой отпавшей от божественного начала Софии, Души, отпавшей от Ума, которому она подчинена, и является этот, казалось бы, второстепенный женский персонаж, который в некоем состоянии одержимости губит сначала объект своей любви, а потом и себя.

Выходит так, что в романе, несмотря на множество пунктирно прочерченных любовных линий, ярко проиллюстрированы три различных лика любовного чувства, являющихся в свою очередь намеком на соединение Логоса и Софии, Христа и Церкви, причем каждый из этих ликов имеет путь собственного развития.

Первый тип любви — «идеальная» любовь Глеба и Анны, наиболее близкая к той, которую описывал Соловьев. Многим, в частности, Н. Петровской, в этих отношениях видятся «сдавленные аскетизмом порывы плоти»: «...эта “Христова любовь” между Глебом и Анной есть не что иное, как тончайшее напряженное сладострастие под кощунственным знаком “золотых крестов”, которыми обмениваются влюбленные» [Петровская 2014: 521]. Не отрицая наличия компонента плотского в чувствах главных героев, стоит сказать, что критик все же слишком строга к ним. В конце концов, новое религиозное сознание не исключало возможность одухотворения плоти, а на фоне попыток примирения бездн (содомского и эдемского) Мережковским чувство Анны и Глеба кажется уж совсем невинночистым. Да и сам Соловьев наделял человеческую природу как Божественным, так и чувственным началом. Это хорошо видно в его работе «Жизненная драма Платона», из которой приведем лишь одну цитату: «...аскетизм не может быть высшим путем любви для человека. Его цель — уберечь силу божественного Эроса в человеке

от расхищения бунтующим материальным хаосом, сохранить эту силу в чистоте и неприкосновенности. <...> Но сыну божественного обилия чистоты мало. Он требует полноты сил для живого творчества» [Соловьев, 1988: 618–619]. Хорошо известна также реакция Андрея Белого на посвященный ему рассказ Петровской «Последняя ночь» (1903), который, кстати, в стилистическом отношении, по степени суггестивности повествования и общему эмоциональному тону очень близок тексту Новикова, особенно если рассматривать описание «конечной ночи» Глеба и Анны на башне. Роман с Петровской, начавшийся в 1903 году, воспринимался Белым как мистическая связь брата и сестры (кстати, Глеб и Анна изначально строили свои отношения на таких же принципах), и очевидно эротический подтекст рассказа Петровской показался ему кощунственным, что он и выразил в стихотворении «Sanctus amor» (1903), которое ставило точку на возможности его духовного единения с Петровской. Вообще, полностью избежать подобного — то есть плотского — невозможно, коль скоро речь идет именно о «половой» любви. Кажется, что Глеб, наоборот, вырастает к концу произведения в более гармоничного человека, отходя от сухого аскетизма во имя живого чувства.

Второй тип любви — это любовь Наташи и Кривцова, которые, судя по всему, и должны были, преодолев свои соблазны (иными словами, преодолев «бунтующий материальный хаос»), воплотить идеал половой любви на земле, для которой Анна и Глеб то ли слишком чисты, то ли слишком слабы. Но и эта любовь рушится под давлением материального мира.

Третий тип любви в романе — любовь демоническая, продиктованная тягой отпавшей от Логоса Софии к овладению или уничтожению. Глаша, будучи носителем этого чувства, утягивает за собой всех, кто попадает в область ее влияния.

В этом отношении особенно значима тема зла в романе, которая выводит на вопросы уровня теодицеи. Так, старик «азиатского типа» (вообще один из самых интересных образов в романе, так называемый герой-провокатор, заслуживающий отдельного размышления) задает Кривцову вопрос: «Я говорю, если Бог допускает быть злу, если Он терпит власть и священников, если Он сам властелин и царь царей, то чем лучше Его беспредельная власть всякой иной? И если не лучше, а хуже, ибо бесконечно огромней, то, призывая к свержению мелких бесов, как не призвать к свержению главного?». Кривцов отвечает ему так: «Такого Бога, как ты говоришь, не знаю и отрекаюсь от него, и зову его дьяволом вместе с тобою. Нам дано знать лишь единого Бога — Христа. Он близок и дорог нам, и Ему одному

будем служить» [Новиков 2004: 136]. Следовательно, возникает множественность понимания Бога, о чем задумывались русские религиозные философы, доходя до отрицания «мира сего» как порождения «злого Бога», по выражению Гайденко [Гайденко 2001: 318], на фоне которого отчетливее стал вырисовываться образ Кроткого, Страдающего Бога — Христа. Судя по всему, эта идея «Другого» в Боге восходит к мистицизму Бёме, в частности к его концепции Ungrund. Эти идеи были подхвачены очень активно, как известно, русскими религиозными философами, например Н. Бердяевым: «Таинственное учение Беме об Ungrund'e, о бездне, безосновной, темной и иррациональной, предшествующей бытию, есть попытка ответить на основной вопрос всех вопросов, вопрос о возникновении мира и возникновении зла. Все учение Беме об Ungrund'e так переплетается с учением о свободе, что их невозможно разделить, это одно и то же учение. И я склонен истолковывать Ungrund, как изначальную, не детерминированную даже Богом меоническую свободу» [Бердяев 1930: 57]. Утверждал положение о множественности Бога и Соловьев (следуя в этом за Шеллингом), на что указывает Гайденко [Гайденко 2001: 77]. Как видим, в романе Новикова преломились не только идеи современных ему философов, а также их «проклятые вопросы», на которые так и не было дано однозначного ответа.

Собственно, показателем того, что на эти вопросы не ответили ни русская религиозная философия, ни неохристианство, является самоубийство главных героев, символизирующее тупик нового религиозного сознания. Глеб и Анна не смогли преобразовать мир (а идея преобразования именно земного мира играла важную роль в новом христианстве). Они добровольно покинули его, не имея возможности найти в нем для себя места. Нельзя сказать, что их загубила грубость материального мира или жестокий рок (об этом можно говорить применительно к Кривцову и Наташе): их уход можно трактовать как трагедию несовпадения мира и человека, когда человек оказывается слишком широк для предлагаемых ему рамок и, не имея возможности вписаться в них, просто добровольно покидает его. В любом случае, осуждать героев как реальных людей мы не имеем права, а так как мы имеем дело с героями-идеями, необходимо сделать определенные обобщения. Если сами олицетворения идей не могут воплотить свою философию в условиях земной жизни, то встает вопрос о ее состоятельности в целом. Именно поэтому и смеется старик «азиатского типа», наблюдая за Анной и Глебом своим внутренним взглядом. Может, потому и звучит лейтмотивом в романе: «Умер, умер твой Белый Христос». Сто-

ит отметить, что сам Новиков был приверженцем «белого брака» в реальной жизни, хотя в его творчестве такого типа отношения не раз подвергались критическому анализу. Белый брак, вступая в который супруги заведомо отказываются от физических проявлений своего чувства, представляет собой одну из ветвей идеалистического понимания брака. Разрушительную сторону такого типа взаимоотношений Новиков особенно ярко показал, например, в пьесе «Горсть пепла» (1916).

Сказанное выше далеко не исчерпывает религиозную составляющую романа. Но, тем не менее, уже по этим наблюдениям можно понять характер религиозных исканий рубежа XIX–XX веков: были и действительно идеалистические устремления, и разного рода подмены, смешения идеалов Содома и Мадонны и т. д. Как бы то ни было, цель у всех религиозных реформаторов была одна — преобразовать мир силами нового религиозного сознания. Но средства для достижения этой общей цели были разными: внутри самого религиозного течения не было однородности. Несмотря на краткость своего произведения, Новиков ярко продемонстрировал эти противоречия, что делает его текст ценным историко-художественным документом эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барковская Н.В. Поэтика символистского романа: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 1996.
2. Бердяев Н.А. Из этюдов о Я. Бёме. Этюд I. Учение об Ungrund'e и свободе // Путь. 1930. № 20. С. 47–79.
3. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001.
4. Калинина К.С. Жанр романа в творчестве И.А. Новикова начала XX века: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
5. Калинина К.С. Черты модернизма в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 1. С. 87–93.
6. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
7. Михайлова М.В. Проблема «интеллигенция — народ — революция» в творческом сознании И.А. Новикова. URL: <https://portal-slovo.ru/philology/37260.php> (дата обращения: 09.02.2023).
8. Михайлова М.В. Творчество И.А. Новикова в дореволюционной критике // И.А. Новиков в кругу писателей-современников. Орел-Мценск, 2003. С. 29–50.
9. Новиков И.А. Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. Мценск, 2004.
10. Петровская Н. Иван Новиков. Золотые кресты. М., 1908 // Разбитое зеркало. М., 2014. С. 520–522.
11. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Собр. соч.: Т. 2. / Под ред. А.В. Гультыги, А.Ф. Лосева. М., 1988. С. 582–626.
12. Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь. Пер. с фр. Г.А. Рачинского // Путь. 1911.

13. Соловьев В.С. Смысл любви // Собр. соч.: Т. 2. / Под ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Loseva. М., 1988. С. 493–548.
14. Спивак Р.С., Кропотина Ю. А. Высокая дидактика И.А. Новикова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5. С. 129–139.
15. Спивак Р.С. Новое христоцентричное сознание в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» // Газета «Протестант». 2012.

REFERENCES

1. Barkovskaya N.V. Poetika simvolistskogo romana [The Poetics of the Symbolist Novel]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10. 01. 01. Ekaterinburg, 1996. 462 p. (In Russ.)
2. Berdyaev N.A. Iz etyudov o Ya. Byome. Etjud I. Uchenie ob Ungrund'e i svobode [Studies Concerning Jacob Boehme: Etude I. The Teaching about the Ungrund and Freedom]. Put'. 1930, no. 20, pp. 47–79. (In Russ.)
3. Gaidenko P.P. Vladimir Solovyev i filosofiya Serebryanogo veka [Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age]. Moscow, *Progress-Traditsiya Publ.*, 2001. 472 p. (In Russ.)
4. Kalinina K.S. Zhanr romana v tvorchestve I. A. Novikova nachala XX veka: problematika i poetika [The Genre of the Novel in the Works of I.A. Novikov at the Beginning of the 20th Century: Problematic and Poetic]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2020. 224 p. (In Russ.)
5. Kalinina K. S. Cherty modernizma v romane I. A. Novikova «Zolotye kresty» [Modernistic Features in the Novel “The Gold Crosses” by I. A. Novikov]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]. 2016, no. 1 (21), pp. 87–93. (In Russ.)
6. Losev A.F. Vladimir Solovyev i ego vremena [Vladimir Solovyov and His Time]. Moscow, *Progress Publ.*, 1990. 720 p. (In Russ.)
7. Mikhailova M.V. Problema «intelligenciya — narod — revolyuciya» v tvorcheskom soznanii I.A. Novikova [The Problem of “Intellectuals-People-Revolution” in the Creative Consciousness of I.A. Novikov]. URL: <https://portal-slovo.ru/philology/37260.php> (accessed: 09.02.2023). (In Russ.)
8. Mikhailova M.V. Tvorchestvo I. A. Novikova v dorevolucionnoj kritike [Novikov's Work in Pre-Revolutionary Literary Criticism]. I.A. Novikov v krugu pisatelej-sovremennikov. Orel-Mcensk, 2003, pp. 29–50 (In Russ.)
9. Novikov I. A. Zolotye kresty: Roman. Povesi i rasskazy [“The Gold Crosses”: A Novel. Novellas and Short Stories]. Mcensk, 2004. 444 p. (In Russ.)
10. Petrovskaya N. Ivan Novikov. Zolotye kresty. M., 1908 [“The Gold Crosses”. M., 1908]. *Razbitoe zerkalo*. Moscow, *BSG-Press Publ.*, 2014. pp. 520–522. (In Russ.)
11. Solovyev V.S. Zhiznennaya drama Platona [Plato's Life-Drama]. Sobr. soch.: T. 2. / Pod red. A.V. Gulygi, A.F. Loseva [Collected Works: Vol.2 / Ed by A.V. Gulyga, A.F. Losev]. Moscow, *Mysl' Publ.*, 1988, pp. 582–626. (In Russ.)
12. Solovyev V.S. Rossiya i vselenskaya cerkov'. Per. s fr. G.A. Rachinskogo [Russia and the Universal Church]. Put'. 1911 (In Russ.)
13. Solovyev V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love]. Sobr. soch.: T. 2. / Pod red. A.V. Gulygi, A.F. Loseva [Collected Works: Vol.2 / Ed by A.V. Gulyga, A.F. Losev]. Moscow, *Mysl' Publ.*, 1988, pp. 493–548. (In Russ.)
14. Spivak R.S., Kropotina Yu.A. Vysokaya didaktika I. A. Novikova [High Didactics of I.A. Novikov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*

[Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010, no. 5 (11), pp.129–139. (In Russ).

15. Spivak R.S. Novoe hristocentrichnoe soznanie v romane I.A. Novikova «Zolotye kresty» [The New Christ-Centered Consciousness in Novikov’s Novel “The Gold Crosses”] // Gazeta “Protestant”. 2012. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.04.2024

Принята к публикации 01.06.2024

Отредактирована 08.08.2024

Received 15.04.2024

Accepted 01.06.2024

Revised 08.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Насуева Аида Магомедсаидовна — аспирант, младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; katz.aerozeppelin@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Aida M. Nasueva — postgraduate student, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences; katz.aerozeppelin@gmail.com